

DOI: 10.23932/2542-0240 -2017-10-2-110-127

Леонид Леонидович ФИТУНИ

Институт Африки Российской академии наук

Спиридоновка ул., 30/1, Москва, 123001, Российская Федерация

africa.institute@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-5416-6709

Культурно-идеологические процессы в регионе Ближнего Востока и проблема терроризма сквозь призму предиктивной аналитики

АННОТАЦИЯ. Статья – попытка спрогнозировать основные тенденции политического и культурно-идеологического развития Ближнего Востока в средне- и долгосрочной перспективе с учетом воздействия фактора международного терроризма. Параллельно с выявлением содержательного компонента для принятия оптимальных решений автор формулирует свое видение будущего поведения ключевых государственных и негосударственных акторов и судьбу объектов их воздействия. При подготовке работы были использованы основные методы предиктивной аналитики: статистический анализ, интеллектуальный анализ данных, анализ паттернов и моделей, проведенные в рамках проекта Российского фонда фундаментальных исследований «Феномен “Исламского государства” в контексте развития современного восточного общества». В основу статьи положена интерпретация основных выводов и результатов использования этих методов. Показано, что даже физическое уничтожение самопровозглашенного исламского псевдогосударства в РБВСА займет достаточно продолжительное время. Заинтересованные в сохранении высокой актуальности проблематики международного терроризма не будут сидеть сложа руки и попытаются эффективными и привлекающими внимание общественности действиями сохранить ее

в списке приоритетных. Как результат может быть увеличена интенсивность террористических атак в странах Запада, поскольку даже ограниченные по масштабам теракты в Европе вызывают в мировых СМИ большее освещение, чем любые акты терроризма на Ближнем Востоке. Для достижения этих целей будут задействованы новые каналы и формы реализации актов, такие, как теракты в исполнении детей, на транспорте в ходе массовых и знаковых политических мероприятий, выборов и т.д.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: радикальный ислам, терроризм, либерализм, демократия, шиизм, суннизм, этнический национализм, межконфессиональные конфликты

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Фитуни Л.Л. (2017). Культурно-идеологические процессы в регионе Ближнего Востока и проблема терроризма сквозь призму предиктивной аналитики. Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право, 10 (2). 110–127. DOI: 10.23932/2542-0240 -2017-10-2-110-127

Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ. Проект №16-07-00009 «Феномен “Исламского государства” в контексте развития современного восточного общества».

DOI: 10.23932/2542-0240 -2017-10-2-110-127

Leonid L. FITUNI

Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences

30/1, ul. Spiridonovka, Moscow, Russian Federation, 123001,

africa.institute@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-5416-6709

Through the Prism of Predictive Analytics: Cultural and Ideological Trends in the Middle East and the Problem of Terrorism

ABSTRACT. *The article is an attempt to predict the main trends of the political, cultural and ideological development of the Middle East in the medium and long term, taking into account the impact of international terrorism. To provide optimal solutions possible the author identifies a number of core components. Basing this selection he offers his vision of the likely behaviour of key state and non-state actors as well as the forthcoming fate of the objects of their attention. In preparing the scenarios, the main methods of predictive analytics were used: statistical analysis, intellectual analysis of data, analysis of patterns and models conducted within the framework of the Russian Foundation for Basic Research project "The Phenomenon of the Islamic State" in the context of the development of a modern Eastern society. "The article is based on an interpretation of the main conclusions and results of using those methods and methodologies. The article asserts that the recent growth of radical Islam in the East and political populism in the West are close root causes. Despite all the differences in the rhetoric and the outward forms, they represent a defensive response on the part of those segments of Eastern and Western societies that have failed to adjust to rigid paradigms of globalization. Intra- and inter-confessional conflicts may become the prevailing form of military threats in the region, beginning around the 2020s. Their heralds are already visible in conflicts*

in Iraq, Syria, Yemen and, to a lesser extent, in Lebanon, Bahrain and on the east coast of the Arabian Peninsula. Interstate Shiite-Sunni contradictions have so far been limited by political-ideological confrontation and diplomatic demarches, sometimes accompanied by various embargoes, such as the recent Qatar crisis. Even the physical destruction of the self-proclaimed Islamic pseudo-state in MENA will take some time. Under favorable circumstances, ISIS units may be squeezed out of the important settlements of Syria and Iraq within a year. This will not mean the end of ISIS. The experience of the war with terrorist groups in Libya, Algeria, West Africa, Somalia, Afghanistan, and Southeast Asia shows that even when driven out into the desert or sparsely populated areas, fragmented but linked groups of terrorists continue for quite some time to inflict harassing attacks on government forces and objects, to make long sorties and to arrange spectacular acts of terrorism. Most likely, the forces interested in maintaining the problems of international terrorism high on the agenda will not sit idly by but will undertake spectacular and noteworthy actions to keep terrorism issues in the limelight. As a result, the intensity of terrorist attacks in the West may increase, since even limited terrorist attacks in Europe cause more media coverage in the world media than any acts of terrorism in the Middle East. To achieve these goals, new channels and forms of imple-

mentation of terrorist attacks will be used, such as terrorist acts involving children, ordinary means of transport, during the course of mass and symbolic political events, elections, etc.

KEYWORDS: *radical Islam, terrorism, liberalism, democracy, Shiism, Sunnism, ethnic nationalism, inter-confessional conflicts*

FOR CITATION: Fituni L.L. (2017). Through the Prism of Predictive Analytics: Cultural and Ideological Trends in the Middle East and the Problem of Terrorism. *Outlines of global transformations: politics, economics, law*, 10 (2). 110–127. DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-2-110-127

ACKNOWLEDGEMENTS: *The article is prepared with financial support of Russian Humanitarian Scientific Fund, Project №16-07-00009 “Phenomenon of the Islamic State in the context of the oriental society development”.*

Для государств Ближнего Востока и Северной Африки (БВСА) наступившее тысячелетие ознаменовалось двумя мощнейшими потрясениями фундаментального характера: катаклизмом «арабской весны» и слиянием радикальной части политического ислама с постиндустриальными формами международного терроризма.

Оба судьбоносных феномена явились закономерным результатом сложных культурно-идеологических, политических и социально-экономических процессов, приведших к переменам в глобальном мироустройстве. Оба политических явления были параллельны во времени и в пространстве и проходили при колоссальном обоюдном взаимовлиянии и взаимопроникновении. С началом ливийского кризиса, когда на доведение до конца задач «демократической революции» в стране были мобилизованы силы международного терроризма, стала очевидной конвергенция этих двух процессов.

Несмотря на внешние различия, «арабская весна» с ее противоестественными

либерально-традиционалистскими антиправительственными коалициями и джихадистский террор, использующий новейшие технологии социальной инженерии, – взаимосвязанные проявления обострившихся противоречий арабских обществ, многократно усугубленные манипулятивным вмешательством внешних сил.

В ходе событий «арабской весны» с ее внешней поддержкой со стороны Запада и ультраконсервативных монархий Аравийского полуострова терроризм освоил новые формы самоорганизации и адаптации к формирующимся трендам общественного развития, соответствующие изменившемуся вектору культурно-идеологических процессов в регионе.

Анализу конкретных проявлений и последствий «арабской весны» в сфере политики, экономики и общественных отношений было посвящено большое число исследований, включая ряд работ автора данной статьи. Поэтому мы не будем детально останавливаться на воспроизведении весьма убедительных ранее опубликованных фактов и выводов, а отошлем читателя к текстам наиболее значимых, на наш взгляд, обобщающих публикаций (Абрамова, 2016, с. 10–12; Фитуни, 2009; Кузнецов и др., 2015; Володина, 2016, с. 137–140).

Структурный парадокс

«Арабская весна» и последовавшая за ней эскалация вооруженного насилия в регионе стали мощнейшими факторами, определившими современные тенденции политической, идеологической, культурной и экономической динамики в регионе в последнее десятилетие. Их сложное переплетение привело к нынешней ситуации структурного парадокса в зоне БВСА – затянувшейся общей стагнации в условиях сильной ситуативной изменчивости на локальном уровне.

Общая стагнация не была нарушена ни взрывом «арабской весны», ни вар-

варскими эксцессами международного терроризма, поскольку находится в русле фундаментальных процессов культурно-идеологической эволюции региона БВСА. Их содержание досконально изучено несколькими поколениями отечественных арабистов. В одной из недавних монографий Института Африки РАН в сжатой форме они суммируются следующим образом: «Для стран региона в постколониальный период панарабизм, национализм постепенно утрачивают свою привлекательность в шкале моральных и духовных ценностей широких социальных слоев, уступая ведущее место, вытесняясь среди части социальных слоев в одних случаях нормами морали и традициями ислама (“архаизация” сознания), в других – современным набором, современной шкалой ценностей (“модернизация” сознания, формирование элементов европоцентристского мировоззрения). Ценности и нормы ислама никогда не были системой (по крайней мере, единственной системой) высших ценностей и ориентиров для правящих в странах региона светских режимов, хотя их исключительная общественная значимость признавалась и декларировалась представителями власти (по-другому, вероятно, и не могло быть). При этом власть отдавала себе отчет в том, что моральные нормы и ценности ислама в жизни подавляющей части общества европоцентристского мировоззрения, в основном среди представителей свободных профессий, интеллигенции начинают занимать все большее место (как отражение усиления исламизации одной части общества, в основном “низов”, и “европеизации” другой его части)» (Ткаченко, 2016, с. 36).

Парадоксальность ситуации стала особенно очевидной к концу первого десятилетия нынешнего века. Все общество – сама власть и все противостоявшие ей силы: и прозападные либеральные группы, и «системные» представители политического ислама, и «умеренно радикальные» внесистемные мусульманские лидеры, и край-

ние религиозно-политические экстремисты, декларировали, по сути, одни и те же лозунги, которые рассматривались в качестве «веления времени»: а) борьба с коррупцией; б) необходимость политических и экономических реформ; в) установление социальной справедливости и перспектива новой жизни.

С точки зрения оппозиционеров, первые два пункта необходимо было осуществлять немедленно, последний – после прихода к власти, постепенно, в будущем. С точки зрения властей, все три пункта уже реализуются, а скорость и последовательность конкретных шагов по их реализации определяется объективными условиями: положением дел в стране и соображениями сохранения в ней стабильности и безопасности.

Внешне парадоксальное совпадение требований, столь противоположенных по своей социальной базе и представлениям о верном пути развития, объяснялось тем, что три названных запроса общества отражали объективно необходимые императивы современного этапа развития практически всех государств Ближнего Востока. Они были концентрированным выражением фундаментальных культурно-идеологических тенденций в регионе.

Коррупция – причина или повод?

Вопрос борьбы с коррупцией во власти сегодня превратился в ключевой программный пункт, с помощью которого не только террористы, но и «умеренная» оппозиция пытается консолидировать вокруг себя массы едва ли не во всех странах мира. Происходит так потому, что коррупция – реальная и легко понимаемая людьми повседневная проблема. В сознании масс в коррупции «по определению» в первую очередь виновны представители правящих верхов и их уполномоченные (чиновники, сотрудники полиции и т.д.). Это автоматически выводит из-под удара представителей самой оппозиции. Такой

«однонаправленный» инструмент весьма удобен в политической борьбе.

В исследовательской литературе повсеместную коррупцию относят к числу главных триггеров «арабской весны», причем как на уровне причин (из-за нее не работают социальные лифты), так и поводов (давняя, 2010 г., история с торговцем рыбой, запустившая «арабскую весну» в Тунисе, и недавняя, 2017 г., – в Марокко, приведшая к массовым протестам) (Васильев, Виницкий, 2013, с. 2–10; Жерлицына, 2016, с. 62–68; Прокопенко, 2015, с. 483–485). Приводятся яркие примеры из жизни свергнутых правителей, коррупционного бесстыдства их жен, непомерной жадности сыновей и безнаказанности окружения.

Как полагает известный российский арабист А.А. Ткаченко, «среди всей группы факторов, предопределивших политизацию ислама, одним из главных стала коррупция среди различных эшелонов власти (при ее огромных масштабах и глубине) как концентрированное выражение утраты правящей элитой, а с ней и государством, моральных «рулей и ветрил» (ориентиров) в их коранической, исламистской форме (в понимании, прежде всего, низов, исламских групп, движений и партий)» (Ткаченко, 2016, с. 37).

Свержение прежних режимов в ходе «арабской весны» не победило коррупцию. Более того, если верить рейтингам, построенным самопровозглашенным мировым центром антикоррупционной борьбы – *Transparency International* (далее – ТИ), за истекшие несколько лет ситуация с коррупцией в регионе только ухудшилась. По данным на 2016 г., в 90% всех стран БВСА индекс восприятия коррупции был ниже 50 единиц (точки отсечения, принимаемой как удовлетворительное положение дел; рейтинг 100 – лучший из возможных)¹. При этом страны,

пережившие смену правительств в ходе «арабской весны» или ставшие объектом интервенции внешних сил, военных действий и/или террористической агрессии, в первую очередь Сирия, Йемен, Ирак, Ливия и Судан, считаются ТИ особенно коррумпированными.

Конечно, на деле ситуация с восприятием коррупции в культурно-исторических реалиях восточных обществ, включая арабские, намного сложнее, чем механистические оценки ТИ. Культурно-исторические и цивилизационные стереотипы относительно роли подарков, почтения старших по возрасту и статусу, допустимых привилегий и практик нередко входят в противоречие с декларируемыми современным западным обществом взглядами и требованиями.

Жизнь показала, что революционные потрясения и война не привели не только к победе над коррупцией, но даже к сколько-нибудь видимому улучшению положения с ней в странах БВСА. Более того, ухудшились показатели даже в ОАЭ и Катаре, которые по сравнению с прошлыми годами в мировом рейтинге 2016 г. опустились на значительное число пунктов, хотя и сохраняют показатели выше 50 единиц. Этому в немалой степени способствовал и тот факт, что, несмотря на сложное переплетение взаимных стратегических интересов, как западные СМИ, так и пропаганда «Аль-Каиды» («Нусры») и ИГИЛ целенаправленно работает на повышение уровня восприятия коррупции в странах региона, считая ознакомленность широких масс с проблемой важным подспорьем в достижении своих идеологических задач по мобилизации и поляризации населения.

Хотя ОАЭ и Катар, судя по цифрам ТИ, «менее коррумпированы» по сравнению с другими странами БВСА и имеют доволь-

1 Здесь и далее данные Transparency International по коррупции приведены по: Transparency International. Surveys. 25 January, 2017. Middle East and North Africa: A very drastic decline. URL: https://www.transparency.org/news/feature/mena_a_very_dramatic_decline (Accessed 17.05.2017)

но высокие показатели, равные соответственно 61 и 66, даже с учетом ухудшения показателей в 2016 г. у Катар они были лучше, чем, например, у Италии (47), Испании (58), Чехии (55). А ОАЭ оказались менее коррумпированными, чем Израиль (64) и Польша (62)². Высокие оценки двух монархий отчасти можно объяснить и тем, что в этих странах зачастую трудно провести водораздел между государственной собственностью и собственностью многочисленных по составу правящих семей. Как следствие некоторые действия, которые в других обстоятельствах смотрелись бы как коррупционные, в социальных условиях стран Залива формально не противоречат закону.

Коррупция и терроризм как реалии современного восточного общества очень полезны друг другу. Продажность чиновников, полицейских, бытовая коррупция на уровне тех, кто отвечает за охранные функции в аэропортах, в мечетях, на базарах или иных местах скопления людей, может создать условия или открыть путь для проведения террористических актов, захвата заложников и т.д. С другой стороны, корыстолюбие и нечистоплотность высокопоставленных должностных лиц, воротила бизнеса или иных представителей местных правительственных, деловых или идейных элит, их нежелание идти навстречу чаяниям ущемленных частей общества ведет к его поляризации, умело используемой, как будет показано ниже, радикалами и экстремистами.

На примере попыток претворения в жизнь своих антикоррупционных требований в странах, где «народные революции» привели к падению правивших режимов (Египет, Тунис, Ливия и Йемен), видно, что и либералы, и клерикалы в своем стремлении прийти к власти лишь использовали их как популистские лозунги, которые при их внешней правильно-

сти и простоте всегда декларируются без соотнесения с трудностями претворения в жизнь. Попытки реализовать эти требования, главным образом, и привели к тупикам и кризисам сегодняшней социально-экономической и военно-политической ситуации в регионе БВСА и консервации общей стагнации в нем.

Делая такой вывод, мы ни в коем случае не преуменьшаем объективную насущность трех названных выше лозунгов. Если рассматривать их во взаимосвязи и в контексте специфического для региона феномена трансформации местных культурно-цивилизационных особенностей, радикальных идеологий и практик международного терроризма в новое качество – псевдогосударственное образование, теократическое по форме и террористическое по содержанию, то нельзя не заметить, что революционные и псевдореволюционные процессы в арабском мире явились не первоисточником, а лишь мощным катализатором взрыва воинствующего исламизма.

В условиях подрыва и размывания под воздействием глобализации традиционных прерогатив и исключительных прав суверенного государства возникло парасоударственное образование под названием «Исламское государство» (ИГ/ИГИЛ). Во многом по причине успешной экспансии ИГ/ИГИЛ международный терроризм, в форме исламистского джихадизма, перешел на уровень трансконтинентального управления своей деятельностью (Фитуни, 2015, с. 95–99).

ИГИЛ в арабском мире и трансконтинентальное расползание терроризма стали негативными проявлениями естественного роста политического самосознания, самооценки и самоидентификации части мусульманского населения. Дополнительный импульс к росту всех трех вышеперечисленных «само-...» действитель-

2 Corruption perceptions index 2016. URL: https://www.transparency.org/news/feature/corruption_perceptions_index_2016#table (Accessed 16.06.2017)

но дала «арабская весна». Она выпустила на волю разрушительные импульсы, дремавшие в «нескорых на подъем» и терпеливых мусульманских социумах. Долгое время молча терпевшим и по-разному не удовлетворенным своим положением мусульманским массам в регионе БВСА и их единоверцам в европейских диаспорах «арабская весна» показала, что существующий порядок может быть изменен силой вопреки традиции и поведенческим стереотипам старшего поколения (Фитуни, Абрамова, 2015, с. 2–11).

Политика Запада и создаваемый им мировой информационный фон всячески поощряли такие подходы, подталкивая целевую аудиторию к радикализации.

В этих условиях невиданный доселе феномен экстремальной по жесткости теократической государственности в форме ИГ претендовал на то, чтобы стать мусульманским цивилизационным ответом на концепцию гражданского общества, предложенную западной цивилизацией. Идеологи террористического государства утверждают, что в отличие от индивидуализма западного общества с его либеральными ценностями, ценностная основа ИГ – братский коллективизм мусульманской уммы и социальная справедливость, якобы имманентная «истинному исламу» (Фитуни, Абрамова, 2016, с. 2–8). При этом важно понимать, что для идеологии ислама в целом, а не только радикального, социальная справедливость – по своей сути земная ценность. Она коллективная, общая для всей уммы, а через это и для отдельного человека.

Все коллективные ценности, даже коллективный аспект веры во Всевышнего, относятся к земной жизни и исчезают с ее концом. Индивидуальные же ценности в противовес западным идеологическим посылам принадлежат неземной жизни, зато они вечны и достанутся каждому праведному мусульманину. Эти индивидуальные ценности: восхождение к Всевышнему, гурри, райские наслаждения и вечная благодать. Таким образом, «истинные» мусуль-

манские ценности, как коллективные, так и индивидуальные, не просто неидентичны западным. Они даже не противоположны им. Они просто иного порядка.

С учетом этого, несмотря на крайние проявления непримиримости к врагам, имеющие в наших глазах признаки варварства и дикости, позиционируемая фундаментальная идеологическая платформа ИГ – государство социальной справедливости, базирующееся на догматах ислама, где все равны перед Аллахом. Ислам – открытая религия, а ИГ – сетевое государство, «государство без границ», якобы идеальное государство верующих мусульман, община общин, а не пирамидально выстроенная социальная конструкция, характерная для большинства цивилизованных государств, созданных по западному образцу.

Несмотря на потери и отступление в своей цитадели – Сирии и Ираке, ИГИЛ продолжает сохранять своих сторонников и даже рекрутировать новых в различных частях планеты. Сетевые технологии, поддержанные идеологическими скрепами, позволяют ИГ распространяться территориально (в сторону Африки, Центральной Азии, Индонезии, привлекать новых сторонников в Европе) (Фитуни, Абрамова, 2016, с. 2–8). Все это не может не вызывать озабоченности.

Прогнозируемые тренды развития терроризма

Одним из реалистичных предиктивных сценариев при моделировании будущих направлений эволюции терроризма в контексте формирующихся культурно-идеологических трендов на Ближнем Востоке представляется постепенное смещение острия вооруженной агрессии в сторону «внутримусульманского» джихада. Каковы же основные этапы и реперные точки перенесения центра тяжести пропаганды идеологов экстремизма и терроризма с межрелигиозного аспекта на внутриконфессиональный?

На протяжении десятилетий главным (но не единственным) направлением идеологической борьбы, пропаганды и мишенью террора сначала для «Аль-Каиды», а позже для ИГ/ИГИЛ были внешние объекты – немусульмане («иноверцы и безбожники»³), а также их «приспешники» в странах региона, включая светские правительства БВСА. Это, конечно, не исключало атак на местных представителей некоторых ответвлений ислама, но то были побочные, второстепенные жертвы, возникавшие на пути экстремистов и террористических группировок в ходе проводимой географической экспансии или при решении оперативно-тактических военных задач на земле.

Для значительной части мусульманского населения БВСА такая «внешнеконфессиональная» направленность вооруженных вылазок или терактов вписывалась в упрощенное представление о справедливой оборонительной войне правоверных, причем не только против «безбожников и иноверцев», но и внешних поработителей. Именно поэтому немалая часть рядового арабского населения, как свидетельствует западная печать, не была склонна впечатляться случавшимися изредка атаками террористов в Западной Европе с их небольшим по меркам БВСА числом жертв, не спешила бурно выражать солидарность с последними или бескомпромиссно осуждать злоумышленников. Как правило, все ограничивалось формальными соболезнованиями части лидеров отдельных (отнюдь не всех) стран БВСА.

Доминирование «внешнего» вектора над «внутренним» в культурно-идеологических обоснованиях идеологов терроризма укрепились, когда в результате «арабской весны» «Братья-мусульмане» заняли ключевые политические позиции

в ряде государств региона. Параллельно с этим ИГИЛ осуществлял экспансию, практически без боя занимая все новые территории и осуществляя одиночные теракты за пределами БВСА. При этом имело место своеобразное идеологическое «разделение труда». Радикальный политический ислам «отвечал» за внутреннюю повестку дня, ниспровергая светские авторитарные режимы в арабских странах, а международный терроризм в лице ИГИЛ и «Аль-Каиды» концентрировался на внешнем аспекте идеологической борьбы – джихаде против иноверцев и безбожников.

Так продолжалось примерно до начала перелома в сирийской гражданской войне. До вмешательства по просьбе сирийского правительства в ход конфликта российских ВКС пропагандистский фон, создаваемый западными и влиятельными панарабскими СМИ, рисовал картину демократического восстания сирийских народных масс против кровавой диктатуры⁴. Однако постепенно, по мере освобождения правительственными войсками и их союзниками части территории, занятой ИГИЛ и «Аль-Каидой» (фронтом «ан-Нусра» и его сателлитами из числа антиправительственных группировок), на передний план начал выводиться межконфессиональный и межэтнический аспекты конфликта – противостояние шиитов и суннитов и курдская проблема.

Такой поворот в векторе борьбы внутри Сирии выгоден как сегодняшним международным террористам из ИГИЛ и «Аль-Каиды» (они в этом случае уже не позиционируются как противники Запада), так и для самого Запада. В их представлении он формально лишает Россию и ее союзников главного аргумента, легитимизирующего их прямое участие в конфликте.

3 В эту категорию наиболее радикальные салафитские идеологи включают всех «отклоняющихся от сунны», другими словами – и многих мусульман, причем не только шиитов и представителей самостоятельных ответвлений ислама, но и не соблюдающих предписания ислама суннитов. Границы допустимого такие идеологи определяют сами.

4 См.: пещупсы: Institute for the Study of War (ISW). Struggle for Syria in 2011; Syria's Armed Opposition; Syria's Political Opposition; Syria's Maturing Insurgency; Syria Situation Report. URL: <http://www.understandingwar.org> (Accessed: 17.04.2017). Прим.: доступ к ресурсам ограничен для некоторых IP адресов в соответствии в действующим законодательством Российской Федерации.

Ведь если конфликт перестает носить характер войны с террористами и получает исключительно «внутримусульманскую» окраску, Россия теряет главный аргумент в пользу своего военного присутствия в регионе – миссии по сдерживанию международного терроризма.

Важно подчеркнуть, что почти сразу же и межконфессиональный, и межэтнический аспекты были выведены за границы внутрисирийского конфликта на региональный уровень. Для этого с учетом сложившихся объективных условий была уже тщательно подготовлена политическая почва, дипломатические аргументы и общественное мнение.

Поддержание и стимулирование межконфессиональных конфликтов – давно и в нюансах отработанный инструмент британского и американского внешнеполитического манипулирования. Достаточно вспомнить роль политиков и спецслужб в разжигании бесконечно вспыхивавших конфликтов между арабами и евреями в британской Палестине, между мусульманами и индуистами в британской Индии, шиитами и суннитами во время недавней оккупации Ирака и т.д.

Суннито-шиитский детонатор и курдская проблема

На пути любого политического урегулирования в регионе в среднесрочной и долгосрочной перспективе неизбежно будут лежать две трудноразрешимые в обозримом будущем проблемы: курдский вопрос и суннито-шиитские противоречия.

В наших прогнозах курдская проблема остается камнем преткновения в треугольнике Турция – Сирия – Ирак. Какой-то вариант ее решения (полноценный или паллиативный) при определенных обстоя-

тельствах и умелом управлении ситуацией обещает позитивные дивиденды только в краткосрочном плане. Однако в среднесрочной и долгосрочной перспективе такой дивиденд, скорее всего, не удастся сохранить ни в случае создания самостоятельного курдского государства на севере Ирака, ни федерализации Сирии, ни культурной автономии в Турции. Более того, при наличии желания и некоторых усилиях проблема может быть (и, скорее всего, будет) искусственно раздута внешними игроками таким образом, чтобы распространиться на территории Ирана, некоторых районов Азербайджана и Армении. Она – благодатная тема и удобный инструмент политических манипуляций и геополитической игры в регионе. Во времена М.С. Горбачева курдская карта была умело разыграна при разжигании карабахского конфликта, вызвавшего эффект националистического домино, который ослабленное руководство СССР уже было не в силах остановить (Gunter, 2016).

В современной России, по данным переписи населения 2010 г., имелись лишь 4 муниципальных образования, где доля курдов превышала 5% от общего числа жителей: Красногвардейский район в Адыгее (13,1%), Озинский район Саратовской области (6,5%) и два района в Орловской области – Залегощенский (5,5%) и Новосильский (5,2%)⁵.

У Российской Федерации в целом традиционно складывались хорошие отношения со всеми группами курдского населения в РБВСА. Однако в ходе сирийского конфликта курдские формирования либо воевали против проасадовских сил, либо ограничивались решением локальных задач в зоне компактного проживания сирийских курдов.

Можно сделать вывод, что курдский вопрос в перспективе останется главным

⁵ Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г. в отношении демографических и социально-экономических характеристик отдельных национальностей. Приложение 2. Национальный состав населения по субъектам Российской Федерации. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Materials/pril3_dok2.xlsx (Дата обращения: 15.04.2017)

аргументом в пользу пересмотра существующих границ на Ближнем Востоке и фактором дестабилизации безопасности в регионе вне зависимости от того, произойдет ли такой пересмотр на деле или нет.

В отличие от курдских и арабских националистов идеологи и организаторы исламистского терроризма вряд ли могут масштабнo использовать в своих целях курдский вопрос сам по себе. Однако в контексте террористической угрозы он вполне может быть задействован внешними игроками – государственными акторами в регионе. Турция использовала якобы исходящую от курдов террористическую угрозу в качестве аргумента для ввода своих войск на суверенную территорию сопредельных стран. Нельзя исключить, что внешние игроки могут использовать курдский вопрос для оправдания интервенции или нанесения массированных ударов под предлогом защиты курдского населения от террористов или притеснений со стороны арабов.

Более эффективно для собственных целей международный терроризм в регионе использует суннитско-шиитское противостояние. Мусульмане-шииты составляют большинство населения Ирана, Ирака и Бахрейна. Однако на территории тех стран Ближнего Востока, где они в меньшинстве, доля шиитов среди населения в целом достаточно велика. В Сирии алавиты, которых остальные арабы считают неортодоксальной шиитской сектой, сохраняют сильные позиции во власти и в армии. Суннитские правители арабского Востока опасаются, что местные шииты станут проводниками влияния Ирана в их странах (Goldsmith, 2015).

Игра на вековых идейных расхождениях между шиитами и суннитами вновь используется для дестабилизации всего региона Ближнего Востока (для Северной Африки эта проблема куда менее актуальна в силу незначительной численности шиитов в этой части БВСА). Однако, по нашему мнению, было бы неправильно, как это часто делают западные и некоторые

отечественные политические обозреватели и аналитики, сводить проблему лишь к стратегическому соперничеству между Саудовской Аравией (условный «лидер» суннитов) и Ирана («покровитель» шиитов) за лидерство или доминирование на БВСА.

Суннитско-шиитское противоречие были для западной коалиции изначально значимым структурообразующим фактором в управлении конфликтами на Ближнем Востоке. По мере расширения позиций проправительственных сил в Сирии и укрепления их военной мощи конфронтация в регионе все более перемещается в религиозно-идеологическую сферу.

Международный пропагандистский фон, сопровождающий сирийский конфликт, исподволь смещает акценты с идеологических (борьба за демократию и свободу) на межконфессиональные и межэтнические (противостояние шиитской экспансии Ирана и их ставленникам – алавитам и «Хизбалле») (Goldsmith, 2015). Такой сдвиг едва ли случаен. Он вписывается и в заявленные политические приоритеты на Ближнем Востоке американского президента Д. Трампа, который провозгласил основного идеолога и «защитника» шиизма – Иран, страну с самым большим в мире шиитским населением, главным стратегическим противником США.

По нашим краткосрочным прогнозным сценариям, в ближайшие три-пять лет идейные противоречия между суннитами и шиитами будут все активней использоваться в качестве инструмента манипулирования политическими процессами и стратегическим балансом в субрегионе. Первенство внутриконфессионального аспекта «борьбы с терроризмом» над всеми другими стало предельно явным, когда и другие члены западной коалиции, и особенно ее региональные участники, начали переносить акцент в аргументации своего целеполагания в сирийском конфликте с политико-идеологических аргументов (борьба с автократией, отсутствие свобод и т.д.) на военно-стратегические с рели-

гиозным окрасом – необходимость не позволить Ирану создать «шиитский полу-месяц» от Персидского залива до Средиземного моря, доминировать в субрегионе и т.д.

Внутри- и межконфессиональные конфликты могут, как представляется, стать превалирующей формой военных угроз в регионе, начиная примерно с 2020-х годов. Их провозвестники видны уже сейчас в конфликтах в Ираке, Сирии, Йемене и в меньшей степени в Ливане, Бахрейне и на восточном побережье Аравийского полуострова. Межгосударственные шиито-суннитские противоречия пока что ограничены политико-идеологической конфронтацией и дипломатическими демаршами, иногда сопровождаемыми различными эмбарго вроде недавнего катарского кризиса. Ни одно из государств региона не готово официально признать, что ведет религиозную войну против «других» мусульман. Однако с каждым годом уверенность в том, что этого не произойдет, снижается. Более того, по нашим расчетам, в среднесрочном плане такая вероятность нарастает такими темпами и с такой интенсивностью, что приближается к пороговым значениям неизбежности.

Современный терроризм, в частности структуры и отделения ИГИЛ и «Аль-Каиды», уже используют в своих целях готовность государственных акторов в регионе оказать поддержку тем, кто солидаризируется с ними в использовании фактора суннитско-шиитского противостояния в их геополитических построениях. Следует помнить, что во многих арабских странах районы компактного проживания шиитов одновременно являются территориями, чья юридическая принадлежность оспаривается соседями если не официально, то неформально, путем ссылок на культурные, идейно-исторические и даже родовые скрепы с единоверцами или соплеменниками по ту сторону границ (Moubayed, 2015).

В отличие от ситуации с побежденными в ходе Второй мировой войны Германией и Японией американским оккупационным властям в Ираке не удалось заложить фундамент процветающего демократического государства. Со времени слома режима Саддама Хусейна прошло почти 15 лет. Ранее за такой же срок американцы смогли не только поднять из руин экономику двух оккупированных стран, но и сформировали там устойчивые демократические политические системы, способные к саморазвитию. В Ираке, как, впрочем, и ранее в Афганистане, этого сделать не удалось. По нашим оценкам, ускоренного развития затронутых войнами или революциями государств региона ожидать не приходится. Оптимистичные сценарии при устойчиво благоприятных обстоятельствах допускают ускорение в ближайшие 5 лет темпов реального роста ВВП в среднем по региону до 2,5%. Однако комплексного развития экономики и решения структурных проблем все равно не произойдет.

Как представляется, нерешаемые межконфессиональные и межэтнические противоречия здесь были главными причинами. Ирак продолжает оставаться страной раздробленной по религиозному и этническому признакам. Север страны – де-факто курдское автономное полугосударственное образование. Правительство в Багдаде, состоящее в основном из шиитов, практически не контролирует курдов – суннитов и езидов. Шиитский Иран имеет на багдадские власти реальное влияние, но они зависимы также от США. Не исключено, что пример курдского полугосударства в какой-то мере подтолкнул суннитов-арабов в Ираке к идее создания по его примеру своего образования. Так в 2006 г. родилось «Исламское государство Ирака» (ИГИ), которое на первых порах считалось структурой «Аль-Каиды» (Lister, 2015).

В ходе «арабской весны» сунниты – боевики ИГИ включились в гражданскую войну в Сирии в качестве самостоятель-

ной силы. Это со временем вызвало недовольство лидеров «Аль-Каиды», делавших ставку на свою дочернюю структуру в этой стране – «Джабхат ан-Нусру», которая была провозглашена ее «законным представителем» в Сирии. Но ИГИ расширило зону действия и свое идеологическое влияние в этой стране. В 2013 г. ИГИ переименовалось в «Исламское государство Ирака и Леванта» (ИГИЛ), а с августа 2014 г. в халифат «Исламское государство» (ИГ).

В 2015 г. Тони Блэр, бывший во время агрессии в Ираке премьер-министром Великобритании, публично признал: «есть элемент правды» в утверждении, что вторжение США и их союзников в 2003 г. в Ирак стало одной из основных причин появления ИГИЛ⁶.

Выделение из общих структур «Аль-Каиды» и разрыв с материнской террористической организацией заняли у ИГИЛ примерно четыре года. Официально «Аль-Каида» отмежеввалась от всяких связей с ИГИЛ в феврале 2014 г., сделав специальное заявление на этот счет. На деле, подобно тому как в российской истории большевики и меньшевики, несмотря на идейные и тактические разногласия, свободно перетекали из фракции во фракцию, помогали друг другу в решении задач революционной борьбы и тепло общались на житейском уровне, боевики обеих исламистских террористических структур по сей день взаимодействуют и сотрудничают.

С точки зрения идеологии ИГИЛ/ИГ позиционирует себя как теократическое государство, в чем прослеживаются определенные идейные и административно-организационные параллели и одновременное противопоставление себя двум другими теократиям региона – суннитской Саудовской Аравии и шиитскому Ирану. Однако ни первое, ни второе не решилось формально провозгласить себя

халифатом, что автоматически обозначало претензии на земли других мусульманских стран.

Постсирийская тактика ИГИЛ

При провозглашении ИГ было декларировано, что по мере расширения халифата и прихода его войск легитимность всех иных правителей, группировок, государств и организаций на данной территории становится ничтожной. Это означает в том числе и уничтожение границ, установленных на Ближнем Востоке странами-победительницами после Первой мировой войны. Согласно текстам, написанным стратегами «Аль-Каиды» и в первом десятилетии взятым на вооружение ИГИЛ, после включения в халифат всех земель, заселенных мусульманами, начнется завоевание немусульманских территорий (Ryan, 2010).

Таким образом, мы видим, что в стратегическом плане не только операционная трансграничная деятельность, но и государствообразующая функция были изначально заложены в стратегию террористов ИГИЛ. Всемирный исламский халифат – стратегическая идейная цель. В тактическом плане террористы ставят перед собой триединую задачу, формулируемую так: «терроризировать, мобилизовать и поляризовать» (Lister, 2016). Используя крайние методы террора, ИГИЛ стремится запугать гражданское население и правительства БВСА и Запада, заставить противников предпринять поспешные действия, которых при других обстоятельствах те стремились бы избежать. В арабских странах к таким действиям могут относиться массовые аресты религиозных лидеров, разгоны и запрет на религиозные собрания. В странах Запада – ограничение привычных либераль-

6 Tony Blair says he's sorry for Iraq War 'mistakes'. URL: <http://edition.cnn.com/2015/10/25/europe/tony-blair-iraq-war/> (Accessed: 29.05.2017)

ных свобод, усложнение жизни общества потребления, жесткие меры в отношении сограждан-мусульман и мигрантов и т.д.

Параллельно террористы осуществляют мобилизацию своих сторонников и единомышленников, радикализируют и рекрутируют новых. Их подталкивают к активному противодействию интеграции в западную культуру, к осуществлению терактов, в том числе на всей стратегической глубине территории противника (Париж, Лондон, Берлин, Брюссель и т.д.). По замыслу идеологов ИГИЛ, это должно вести к поляризации в западном обществе. Стимулируется отчуждение и стремление к изоляционизму представителей диаспор, местных мусульманских общин в Европе.

На ближайшую перспективу принято решение передать задачу осуществления террористических актов за пределами БВСА представителям местных мусульманских диаспор в Европе, Средней, Южной и Юго-Восточной Азии, Австралии и Канады.

В арабских странах ИГИЛ добивается поляризации общества через дистанцирование народных масс от правительств и господствующих элит посредством обвинения властей в коррупции, обогащении за счет народа и т.п.

Считается, что таким образом в народе увеличивается привлекательность самопровозглашенного халифата и тем самым реализуется важная задача поляризации – «ликвидировать нейтральную сторону в обществе путем поглощения или ликвидации».

Йеменский капкан

Другим доводом в пользу нашего прогноза относительно смещения центра идеологической борьбы в регионе с межрелигиозного аспекта на внутррелигиозный является эволюция нынешнего йеменского конфликта. Провал «арабской весны» в этой стране ввиду явной

неготовности основного орудия перемен – мобилизованной на протест молодежной массы – переориентироваться с ценностей традиционного общества на ценности общества гражданского привел к усилению политических позиций радикальных суннитов, поддержанных Саудовской Аравией.

Благодаря обильным финансовым вливаниям Саудовской Аравии в Йемене стал распространяться воинствующий ислам салафитского толка (Chernov-Hwang, 2012, p. 157). Местные шииты – аз-зайдийя, к которым принадлежит 35–40% населения, в основном на севере Йемена, и без того обеспокоенные ростом воинствующего салафизма, пытались противостоять давлению суннитского руководства страны, поддерживаемого и направляемого северным соседом.

Со своей стороны суннитская часть политического класса Йемена видит прямую угрозу своему положению в хусизме – политико-религиозном движении, а ныне и военной фракции, объединяющей племена и кланы, исповедующие шиизм в его зайдитском толковании. Внутри страны хуситы опираются на поддержку местных шиитов. В 2004–2010 гг. власти предприняли шесть малоудачных военных кампаний против хуситов, которых, как считают, поддерживали Иран и шиитская милиция «Хизбаллы». В 2009 г. развернулись активные боевые действия между шиитами, с одной стороны, и армиями Йемена и Саудовской Аравии – с другой. В 2010 г. было заключено перемирие. В 2011 г. в ходе «йеменской весны» президент А. Салех был отстранен от власти, и его место занял поддерживаемый саудитами М. Хади. Как и во всех других постреволюционных государствах региона, в результате «йеменской весны» в стране еще усилились позиции салафитов. Вскоре начались столкновения шиитов с «провесенными» суннитскими неправительственными организациями и «Аль-Каидой». Бои местного значения переросли в полномасштабную гражданскую войну. В 2014 г. хуситы вошли в

столицу страны Сану, а в 2015 г. заявили о низложении президента Хади⁷.

Некоторые арабисты объясняют успех хуситов тем, что они смогли «сформулировать ответы на вызовы, с которыми столкнулись йеменские зейдиты в конце XX века. Отличительными чертами хуситской идеологии стала осовремененная трактовка положений Корана, выдвижение трансплеменных религиозных принципов идентичности, означающих консолидацию йеменского общества, последовательный антиамериканский и антиизраильский курс» (Саватеев, Боков, 2017, с. 108).

В марте 2015 г. Саудовская Аравия под предлогом угрозы суннитам в Йемене создала антихуситскую коалицию, в которую вошли также Бахрейн, Катар, Кувейт, ОАЭ, Египет, Иордания, Марокко, Судан, США и неформально примкнула Англия. Роль двух последних стран-участниц, если верить сообщениям СМИ, сводится к планированию воздушных ударов, материально-техническому и разведывательному обеспечению⁸. США, естественно, аргументируют свою важную роль в военном конфликте на юге Аравийского полуострова не религиозными соображениями, а задачами борьбы с терроризмом и необходимостью противостоять стратегической экспансии Ирана.

Таким образом, и в этой части региона был завершен переход от «арабской весны» с ее псевдолиберальными лозунгами и популизмом к открытому межконфессиональному противостоянию суннитов и шиитов.

Основные выводы и прогнозы

Ни «арабская весна», ни псевдогосударственные проекты воинствующего исламизма не смогли преодолеть общую социально-политическую стагнацию в ре-

гионе. Остаются нерешенными базовые проблемы, существующие многие десятилетия и связанные с его демографической структурой, социальной стратификацией, распределением доходов и запаздывающей модернизацией.

Складывающиеся сегодня культурно-идеологические процессы свидетельствуют о том, что прозападные либеральные и демократические силы на Ближнем Востоке уступили в соперничестве с традиционалистами и националистами. Радикальный ислам и связанные с ним экстремистские и террористические группировки отстают в основном благодаря эффективному противодействию внешних сил. Уровень насилия и конфликтности в регионе уменьшается крайне медленно, в основном за счет снижения числа экстремально варварских проявлений терроризма. Наблюдается смещение акцентов в обосновании причин вооруженных конфликтов с их политико-идеологического содержания (борьба за демократию, против диктатуры) на межконфессиональные и межэтнические. В Ираке, Сирии и Йемене мы находим достаточно яркие подтверждения вышеописанной тенденции к постепенному переносу акцента в обосновании причин конфликтов.

В 2017 г. в Сирии и Ираке сильно уменьшалась территория, находящаяся под контролем ИГИЛ. Стоит ли ожидать полного прекращения физического существования псевдогосударства на арабских землях? Если да, то как скоро это может произойти? Будет ли это означать окончательное исчезновение феномена ИГ или оно примет виртуальные формы?

Проведенный выше анализ подводит нас к мысли, что даже физическое уничтожение самопровозглашенного исламского псевдогосударства в РБВСА займет достаточно про-

7. Cm.: Cordesman A. H. ISIS and "Failed State Wars" in Syria and Iraq. URL: <https://www.csis.org/analysis/isis-and-%E2%80%9Cfailed-state-wars%E2%80%9D-libya-syria-iraq-and-yemen> (Accessed: 12.06.2017)

8. Cm.: U.S. Backs Saudi-Led Yemeni Bombing with Logistics, Spying. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2015-03-26/yemeni-bombing-led-by-saudis-is-backed-by-u-s-logistics-spying> (Accessed: 12.06.2017)

долгительное время. При благоприятных обстоятельствах отряды ИГИЛ могут в течение года быть выбиты из символически значимых населенных пунктов Сирии и Ирака. Это не будет означать полного конца ИГИЛ. Опыт войны с террористическими группировками в Ливии, Алжире, Западной Африке, Сомали, Афганистане, в Юго-Восточной Азии показывает, что, даже будучи вытесненными в пустынные и малонаселенные районы, раздробленные, но связанные между собой группы террористов продолжают довольно долго наносить беспokoящие удары по правительственным силам и объектам, совершать дальние вылазки и устраивать громкие теракты.

В условиях взрывного роста информационных и сетевых технологий основная активность организации, скорее всего, будет перенесена на «террористический аутсорсинг». Основные операции будут выполняться спящими ячейками, автономными группами или отдельными индивидами. Ответственность будет брать на себя ИГИЛ. Такая тактика применима как в странах региона БВСА, так и в странах Запада. Исполнителей и там, и там будет найти сравнительно легко как среди местных жителей, так и из числа вернувшихся из РБВСА боевиков.

С точки зрения развития идеологических и культурных тенденций в регионе и в мусульманских диаспорах за его пределами предлагаемые радикальным исламом ясные и прямолинейные решения общественных и личностных проблем еще долго будут многим казаться привлекательными. В этом смысле в качестве общего вывода осмелимся утверждать, что в основе наблюдаемого в последнее время роста радикального ислама на Востоке и политического популизма на Западе лежат близкие первопричины. Несмотря на все различия в риторике и внешних формах, они в значительной мере представляют собой защитную реакцию той части восточного и западного общества, которая не успевает или не в состоянии вписаться в жесткие парадигмы, навязываемые глобализацией.

В средне- и долгосрочной перспективе можно ожидать понижения для Запада актуальности и значимости проблематики борьбы с террором на Ближнем Востоке, включая и проблему ИГИЛ. Тема международного терроризма была важна в качестве едва ли не единственной масштабной военной угрозы, оправдывавшей сохранение НАТО после самороспуска СССР и Организации Варшавского договора. В нынешних условиях возобновленной конфронтации с Россией, атмосферы нарастающего взаимного недоверия и рецидивов «холодной войны» на востоке Европы необходимость в паллиативном противнике в лице терроризма сильно уменьшается.

Это не значит, что проблема международного терроризма на Ближнем Востоке сама по себе сойдет на нет. Запад наверняка будет продолжать использовать этот инструмент для достижения своих региональных и глобальных целей. При этом, скорее всего, географически эпицентр, генерирующий террористическую активность, будет смещен в район Среднего Востока. Об этом свидетельствуют как минимум два новых момента в политическом раскладе сил в РБВСА, ставших реальностью после прихода к власти в Вашингтоне Д. Трампа и визита последнего в Саудовскую Аравию в мае 2017 г.

Воюющий с ИГИЛ Иран, территория которого занимает всю западную часть региона Среднего Востока, был назначен Д. Трампом на роль главного спонсора международного терроризма. Одновременно был взят курс на закрытие проблемы «Исламского государства»: форсировано взятие Мосула, курдские отряды отобилированы на покорение сирийской столицы ИГ – Ракки. Саудовская Аравия взяла на себя работу по постепенному снижению уровня радикализации мусульман в РБВСА. Было оказано давление на Катар – главного финансового спонсора «Братьев мусульман» и других радикальных групп и движений не только в регионе, но и в Африке, Южной и Юго-Восточной Азии и Ев-

ропе, – с тем чтобы он приступил к свертыванию своей активности.

В июне 2017 г. Бахрейн, Саудовская Аравия, Египет и ОАЭ заявили о разрыве дипломатических отношений с Катаром, который следом был обвинен Арабской коалицией в поддержке ИГ и «Аль-Каиды». Египет закрыл свои порты и аэропорты для транспорта Катара⁹.

Скорее всего, силы, заинтересованные в сохранении высокой актуальности проблематики международного терроризма, не будут сидеть сложа руки и попытаются эффективными и привлекающими внимание общественности действиями сохранить данную проблематику в списке приоритетных. Как результат может быть увеличена интенсивность террористических атак в странах Запада, поскольку даже ограниченные по масштабам теракты в Европе вызывают в мировых СМИ большее освещение, чем любые акты терроризма на Ближнем Востоке. Для достижения этих целей будут задействованы новые каналы и формы реализации актов, такие, как теракты в исполнении детей, на транспорте в ходе массовых и знаковых политических мероприятий, выборов и т.д.

Перенос центра террористической активности на восток приблизит его к южным границам и глубинным районам России, рубежам ее союзников в Средней Азии, к западным границам Китая, легитимизирует присутствие там внешних для региона сил, создавая тем самым новую стратегическую реальность и новые вызовы для этих стран.

Список литературы

Абрамова И.О. (2016). Африканская инициатива по борьбе с международным терроризмом. *Азия и Африка сегодня*, 5 (706). 10–12.

Абрамова И.О. (2016). Мусульманские диаспоры Евросоюза в гендерном, генерационном и пространственном измерении: от демографии к социальной антропологии. *Ученые записки Института Африки РАН*, 1 (35). 25–32.

Васильев А.М., Виноцкий Д.И. (2013). Исламское «да» светскому «нет». *Азия и Африка сегодня*, 3 (668). 2–10.

Володина М.А. (2016). Исламистский радикализм и дестабилизация Северной Африки. Хорос В.Г., Малышева Д.Б. (ред.). *Запад – Восток – Россия 2015. Ежегодник*. Москва: ИМЭМО РАН. 205.

Жерлицына Н.А. (2016) Женское лицо «арабской весны». *Ученые записки Института Африки РАН*, 1 (35). 62–68.

Кузнецов А.В [и др.]. (2015). Региональная политика: зарубежный опыт и российские реалии. Москва: ИМЭМО РАН. 137.

Прокопенко Л.Я. (2015). Институт первой леди: африканский вариант. *Политическая наука перед вызовами современной политики. Материалы VII Всероссийского конгресса политологов*. Москва: Издательство «Аспект Пресс». 483–485.

Саватеев А.Д., Боков Т.А. (2017). Восстание хуситов в Йемене: шиито-суннитское противостояние как фактор геополитических сдвигов на Ближнем Востоке. *Ученые записки Института Африки РАН*, (1). 108. 105–123.

Ткаченко А.А. (ред.). (2016). *Ближний Восток и Северная Африка. Процессы модернизации и международная безопасность*. Москва: ИАФР. РАН. 376.

Фитуни Л.Л. (2012). Трансконтинентальный сетевой терроризм АНГА. *Ученые записки Института Африки РАН*, 2 (33). 95–99.

Фитуни Л.Л. (2016). Институты глобального управления в системе противодействия международному терроризму. *Ученые записки Института Африки РАН*, 1 (35). 33–43.

⁹ Бахрейн, Саудовская Аравия и Египет разорвали дипотношения с Катаром. URL: 5934c58a9a794760e4903236http://www.rbc.ru/politics/05/06/2017/5934c58a9a794760e4903236 (Accessed: 09.06.2017)

Фитуни Л.Л. (2009). Экономика международного терроризма. Москва: Ин-т Африки РАН. 472.

Фитуни Л.Л., Абрамова И.О. (2014). Агрессивные негосударственные участники геостратегического соперничества в «исламской Африке». *Азия и Африка сегодня*, 12 (689). 8–15.

Фитуни Л.Л., Абрамова И.О. (2015). Негосударственные и квазигосударственные акторы Большого Ближнего Востока и проблема «евроджихадизма»: европейское лицо экстремистской угрозы. *Азия и Африка сегодня*, (11). 2–11.

Фитуни Л.Л., Абрамова И.О. (2016). Резервная армия ИГИЛ: ресурс и маневр. *Азия и Африка сегодня*, 12 (713). 2–8.

Chernov-Hwang J. (2012). *Peaceful Islamist Mobilization in the Muslim World: What Went Right*. New York: Palgrave Macmillan. 235.

Goldsmith L. T. (2015). *Cycle of Fear: Syria's Alawites in War and Peace*. London: Hurst. 288.

Gunter M. M. (2016). *The Kurds: A Modern History*. Princeton: Markus Wiener Publishers. 256.

Lister Ch.R. (2015). *The Syrian Jihad: Al-Qaeda, the Islamic State and the Evolution of an Insurgency*. London: Hurst. 540.

Moubayed S. (2015). *Under the Black Flag: At the Frontier of the New Jihad*. London: I.B. Tauris. 240

Ryan M. W. S. (2010). Al-Qaeda's Purpose in Yemen Described in Works of Jihad Strategists. *Terrorism Monitor*, 8 (4). URL: <https://jamestown.org/program/al-qaedas-purpose-in-yemen-described-in-works-of-jihad-strategists/> (Accessed 07.03.2017)

References

Abramova I.O. (2016). African Initiative to Combat International Terrorism. *Azija i Afrika segodnja*, 5 (706). 10–12.

Abramova I.O. (2016). EU Muslim diasporas in gender, generational and spatial dimensions: From demography toward social

anthropology. *Uchenye zapiski Instituta Afriki RAN*, 1 (35). 25–32.

Chernov-Hwang J. (2012). *Peaceful Islamist Mobilization in the Muslim World: What Went Right*. New York: Palgrave Macmillan. 235.

Fituni L.L. (2009). *The Economics of International Terrorism*. Moskva: In-t Afriki RAN. 472.

Fituni L.L. (2012). Transcontinental network terrorism of VNSA. *Uchenye zapiski Instituta Afriki RAN*, 2 (33). 95–99.

Fituni L.L. (2016). Institutes of Global Governance in the International Counter-Terrorism System. *Uchenye zapiski Instituta Afriki RAN*, 1 (35). 33–43.

Fituni L.L., Abramova I.O. (2014). Aggressive non-state participants in geostrategic rivalry in “Islamic Africa”. *Azija i Afrika segodnja*, 12 (689). 8–15.

Fituni L.L., Abramova I.O. (2015). Non- and Quasi-State Actors of the Great Middle East and the Phenomenon of Eurojihadism. *Azija i Afrika segodnja*, (11). 2–11.

Fituni L.L., Abramova I.O. (2016). Reserve Army of the Islamic State of Iraq and the Levant (ISIL): Resource and Maneuver. *Azija i Afrika segodnja*, 12 (713). 2–8.

Goldsmith L. T. (2015). *Cycle of Fear: Syria's Alawites in War and Peace*. London: Hurst. 288.

Gunter M. M. (2016). *The Kurds: A Modern History*. Princeton: Markus Wiener Publishers. 256.

Kuznecov A.V [et al.]. (2015). *Regional policy: foreign experience and Russian realities*. Moskva: IMJeMO RAN. 137.

Lister Ch.R. (2015). *The Syrian Jihad: Al-Qaeda, the Islamic State and the Evolution of an Insurgency*. London: Hurst. 540.

Moubayed S. (2015). *Under the Black Flag: At the Frontier of the New Jihad*. London: I.B. Tauris. 240.

Prokopenko L.Ja. (2015). Institute of The First Lady: The African version. *Materialy VII Vserossijskogo kongressa politologov*. Moskva: Izdatel'stvo “Aspekt Press”. 483–485.

Ryan M. W. S. (2010). Al-Qaeda's Purpose in Yemen Described in Works of Jihad Strate-

gists. *Terrorism Monitor*, 8 (4). URL: <https://jamestown.org/program/al-qaedas-purpose-in-yemen-described-in-works-of-jihad-strategists/> (Accessed 07.03.2017)

Savateev A.D., Bokov T.A. (2017). Husit Rebellion in Yemen: Shiite-Sunni confrontation as a factor of geopolitical shifts in the Middle East. *Uchenye zapiski Instituta Afriki RAN*, (1).108. 105-123.

Tkachenko A.A. (ed.). (2016). *Middle East and North Africa. Processes of modernization and international security*. Moskva: IAfr. RAN. 376.

Vasil'ev A.M., Vinickij D.I. (2013). Islamic "yes" to secular "no". *Azija i Afrika segodnja*, 3 (668). 2–10.

Volodina M.A. (2016). Islamic radicalism and destabilization of North Africa. Horos V.G., Malysheva D.B. (eds). *West – East – Russia 2015. Yearbook*. Moskva: IMJeMO RAN. 137–140.

Zherlicyna N.A. (2016). A Female Face of the Arab Spring. *Uchenye zapiski Instituta Afriki RAN*, 1 (35). 62–68.

Информация об авторе

Леонид Леонидович Фитуни, член-корреспондент Российской академии наук, доктор экономических наук, профессор, заместитель директора, Институт Африки Российской академии наук

123001, Российская Федерация, Москва, Спиридоновка ул., 30/1
africa.institute@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-3231-8489

About the Author

Leonid L. Fituni, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor, Deputy Director, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences

30/1, ul. Spiridonovka, Moscow, Russian Federation, 123001,
africa.institute@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-5416-6709